

7. Микешина Л. А. Ценностные ориентации субъекта и формы их отражения в научном знании//Науч. докл. высш. школы. Сер. Философские науки. М., 1982. № 6. С. 52—61.
8. Петров М. К. Научная революция XVII столетия: Обзор//Методология историко-научных исследований: Реф. сб. М.: ИНИОН АН СССР, 1978. С. 196—260.
9. Петров М. К. Перед «Книгой природы». Духовные леса и предпосылки научной революции XVII в.//Природа. 1978. № 8. С. 110—119.
10. Пятницин Б. Н., Порус В. Н. Диалектические аспекты взаимосвязи ценности и роста научного знания//Вопр. философии, 1979. № 3.
11. Степин В. С. О прогностической природе философского знания (философия и наука)//Вопр. философии. 1986, № 1. С. 39—53.
12. Федотова В. Г. Идеальное как реальность культуры//Научные и вненаучные формы в социальном познании. М., 1985. С. 29—55.
13. Фролов И. Т., Юдин Б. Г. Этика науки: сфера исследования, проблемы и дискуссии//Вопр. философии. 1985. № 2. С. 62—78.
14. Черкасов В. Б., Шердаков В. Н. Естествознание и этика//Природа. 1985. № 12. С. 20—27.
15. Babbage Ch. Reflections on the decline of science in England, and some of its causes. L., 1830. XVI. 228 p.
16. Yeo R. Scientific method and the image of science 1831—1891//The Parliament of science. Northwood, 1981. P. 65—88.
17. Macleod R. Introduction: On the advancement of science//The Parliament of science. Northwood, 1981. P. 17—42.
18. Orange A. D. The beginning of the British Association, 1831—1851//The Parliament of science. Northwood, 1981. P. 43—64.
19. Somerville M. On the connexion of the physical sciences. L., 1834. 458 p.
20. Laudan L. Thomas Reid and the Newtonian turn of British methodological thought//The methodological heritage of Newton. Oxford, 1970. P. 103—131.
21. Гершель Д. Философия естествознания. Спб., 1868. 355 с.
22. Herschel J. Outlines of astronomy. L., 1849. XIV. 661 p.
23. Herschel J. Preliminary discourse on the study of natural philosophy. L., 1830. VII. 1., 372 p.
24. Whewell W. History of the inductive sciences. L., 1836. V. 1—3.
25. Whewell W. The philosophy of the inductive sciences, founded upon their history. L., 1840. V. 1—2.
26. Mill J. S. System of logic rationinative and inductive. L., 1843. V. 1—2.
27. Agassiz J. Sir John Herschel's philosophy of success/Hist. studies in the physical sciences. Philadelphia. 1971. V. 1. № 1. P. 1—25.
28. Morrell J., Tracray A. Gentlemen of science: Early years of the Brit assoc. for the advancement of science. Oxford: Clarendon press, 1891. XXIII. 592 p.
29. Layton D. The schooling of science in England, 1854—1939//The Parliament of science. Northwood, 1981. P. 188—210.

THE «SOCIAL CONSTRUCTION» OF THE VALUE-NEUTRAL IDEAL OF THE SCIENTIFIC KNOWLEDGE

L. M. KOSAREVA, M. K. PETROV

The authors argue that real scientific activity is value-laden, though a value aspect of scientific knowledge is rather difficult for explication. The value-neutral ideal emerges alongside the professionalization of science in the early positivist methodology of science as a socially useful though not adequate image of science. The authors demonstrate the «social construction» of value-neutral ideal, using factual material of the activity of the British Association for the Advancement of Science.

К 275-летию со дня рождения М. В. Ломоносова

М. В. ЛОМОНОСОВ И И. И. ШУВАЛОВ

Е. В. АНИСИМОВ

В истории отечественной культуры и науки отношения М. В. Ломоносова и И. И. Шувалова обычно трактуются в рамках традиционной схемы «ученый и меценат» или «поэт и меценат». Однако, на наш взгляд, более внимательное изучение личности мецената и его роли в делах ученого и поэта дают возможность отойти от схематичных представлений о роли Шувалова в начинаниях Ломоносова, учитывая вместе с тем все сложности и подводные камни, таившиеся в их отношениях.

Знакомство Шувалова с Ломоносовым относится, вероятнее всего, к первой половине 1750 г., к периоду после того как в конце декабря 1749 г. молодой фаворит прибыл с Елизаветой из Москвы в северную столицу. Но эту встречу нельзя относить дальше августа 1750 г. — приблизительной даты написания известного стихотворения Ломоносова «Письмо к его высокоблагородию Ивану Ивановичу Шувалову». Стихотворное послание свидетельствует уже о вполне дружественных отношениях фаворита с Ломоносовым.

Разными жизненными путями пришли к этому знакомству Ломоносов и Шувалов. Первый был старше второго на 16 лет, и к началу 50-х годов за спиной 39-летнего Ломоносова была уже насыщенная событиями жизнь: годы учебы в Москве, Киеве, Петербурге и Германии, почти 10 лет работы в Академии наук (5 из них в должности профессора химии), многочисленные лекции, напряженная работа в Химической лаборатории, открытой стараниями Ломоносова осенью 1748 г., исследования по физике, химии, истории, стихосложению, риторике, лингвистике и т. д. Короче, к началу 50-х годов XVIII в. Ломоносов подошел уже давно сложившимся человеком, личностью яркой, характерной, выдающимся ученым-экспериментатором и (что особенно важно для целей нашей статьи) незаурядным поэтом, писавшим талантливые стихи и одновременно понимавшим теоретические основы поэзии.

Иным был путь к встрече с Ломоносовым у Шувалова. Осенью 1749 г. у почти 40-летней императрицы Елизаветы Петровны появился юный 22-летний фаворит — паж, а затем камер-юнкер Иван Иванович Шувалов. Он родился в Москве в 1727 г. в небогатой и незнатной дворянской семье, получил обычное по тем временам домашнее образование. Благодаря покровительству своих двоюродных братьев — Петра Ивановича и Александра Ивановича Шуваловых, лиц весьма влиятельных в елизаветинском правительстве 40–60-х годов XVIII в., он в конце 40-х годов попал ко двору и обратил на себя внимание не только красотой, воспитанностью, но и тем, что заметно отличался от своих сверстников и вообще придворной толпы умом, начитанностью, интеллектом.

В системе абсолютной монархии, где успешное решение дела (а нередко — карьера и благополучие чиновника) могло зависеть от каприза, сиюминутного настроения монарха, роль фаворита, влиявшего на

монарха, была очень велика. Переписка Шувалова с крупнейшими деятелями 50-х — начала 60-х годов показывает, какое огромное значение приобрел он в управлении Россией.

И. И. Шувалов заметно выделялся из длинного ряда фаворитов русских императриц XVIII в. Оставшиеся после его смерти письма, проекты, воспоминания позволяют увидеть в нем не только фаворита императрицы, но и деятеля русской культуры, последовательного выразителя интересов дворянства своей эпохи.

Главным источником идей Шувалова и близкого к нему круга людей была французская литература Просвещения с ее кумиром Вольтером и энциклопедистами. Чтение и обсуждение литературы вылилось в середине 50-х годов в издание журнала *La Caméleon littéraire*. Его редактором был литератор и масон Т.-Г. Чуди, прибывший в Россию в начале 1754 г. и вскоре ставший секретарем Шувалова. Шувалов по своим взглядам был далек от обскурантизма. Более того, он помог появлению в России смелой по тем временам и близкой к атеизму книги А. Попа «Опыт о человеке» в переводе ученика Ломоносова Н. Н. Поповского. Немало он сделал и для защиты от церкви самого Ломоносова — автора «Гимна бороде». Но тем не менее Шувалов явно не одобрял антиклерикализм Вольтера и других просветителей, воспринимая их взгляды как осуждаемое безбожие.

Идеи Просвещения в устах деятелей отечественной культуры и науки XVIII в. приобретали патриотический смысл, созвучный духу петровских преобразований.

Рост национального самосознания, переосмысление роли своей страны в системе европейских государств были прямым результатом петровских реформ и в то же время воздействия общих идей Просвещения о равенстве народов. Причастность к семье европейских народов в середине XVIII в. воспринималась в России не только как копирование европейских обычаев, быта, культуры, но и как сознание своего равенства с членами этой семьи, а следовательно, осознание собственной значимости, ценности как нации, не лишенной способности и сил «соревноваться в образованности» с развитыми народами. Сильным катализатором таких умонастроений стала «бироновщина», способствовавшая обострению и даже известному утрированию национальных чувств.

Особенно огорчало Шувалова и его современников распространное за пределами России мнение о неспособности русских без посторонней помощи стать культурной нацией. Имея в виду время «бироновщины», Шувалов писал Гельвецию: «Столь неприятный для нас промежуток времени дал повод некоторым иностранцам несправедливо думать, что отечество наше не способно производить таких людей, какими бы они должны быть». Этот мотив повторяется и в проекте, поданном Шуваловым Елизавете: «...мнение иностранных вкоренившееся, что не видать российских достойных людей, приносит всему народу крайнее предосуждение». И далее: завистники России «ласкаются, что мы здесь сами себя невежеством нашим истребляем, возвращаясь без иностранных к оному» [1, стб. 75].

В этой обстановке естественным выглядят подчеркивание ценности собственной культуры, признание значительного и нераскрытого еще (из-за неправильной политики предшествующего правительства) творческого потенциала наций. Именно здесь, в подходе к Просвещению как к определенной культурной политике, направленной на подъем национального гения, просвещения, культуры, была первая и важнейшая точка соприкосновения взглядов Шувалова и Ломоносова. Для них обоих подъем национального самосознания как бы открывал новые возможности нации в сферах культуры, ранее неведомых русскому народу. Особенно часто возвращался к этой идее Ломоносов.

В предисловии к «Древней Российской истории» Ломоносов пишет: «Не время, но величие дела приносит преимущество. Посему всяк, кто увидит в российских преданиях равные дела и героев, греческим и римским подобным, унижать нас пред оными причины иметь не будет, но только вину полагать должен на бывший наш недостаток в искусстве, каковым греческие и латинские писатели своих героев в полной славе предали вечности» [2, с. 170]. Мысль о том же характерна и для Шувалова, писавшего, что в России «мало своих искусных людей или почти никого нет, чему не склонность и понятие людей, но худые смотрения в премудрых учреждениях виноваты» [1, стб. 75].

Это высказывание Шувалова, как и многие другие, отражает его общую концепцию понимания Просвещения применительно к России: государство может путем создания «премудрых учреждений» воспитать просвещенных, сознательных и послушных верноподданных. В соответствии с этой близкой петровской концепции просветительской миссии государства Шувалов предполагал создание системы образования. Университет, Академия художеств, проект введения гимназического образования в губерниях — вот ряд мероприятий просветительской программы Шувалова, разработанных и отчасти осуществленных в 50-х годах XVIII в.

Общий для Шувалова и Ломоносова взгляд на необходимость развития национальной культуры сближал этих людей. Более того, каждый из них видел в другом человека, который может способствовать особенно эффективно этому национальному развитию. Для Шувалова и многих его современников Ломоносов был личностью яркой, выдающейся. Шувалова Ломоносов привлекал не только успехами в естественных науках, но прежде всего блестящим поэтическим талантом. Есть свидетельства, что Шувалов сам сочинял стихи и брал уроки стихосложения у Ломоносова [3, с. 14—15]. Переписка показывает, что поэтический авторитет Ломоносова был для не отмеченного поэтическим дарованием Шувалова необычайно велик.

Немаловажным обстоятельством, определявшим отношение Шувалова к Ломоносову, было то, что для Шувалова Ломоносов был «природным» русским ученым, живым олицетворением реальных успехов курса Петра на воспитание национальной интеллигенции. В первом собрании сочинений Ломоносова, изданных Московским университетом по указанию и при активном участии Шувалова, под портретом Ломоносова стояли такие весьма символические слова: «Открыл природы храм богатых словом россов//Пример их остроты в науках Ломоносов».

Шувалов часто беседовал с Ломоносовым на научные темы, присутствовал на его лекциях и опытах. В одном из писем фавориту Ломоносов особо подчеркнул, что, «удостоверясь многократно, коль охотно слушаете... разговоры о науках, весьма жадно ожидаю... с вами свидания» [4, с. 485]. Кроме того, Ломоносов организовал в новом петербургском доме Шувалова небольшую лабораторию, собрав в нее различные приборы и инструменты. Но все же основное внимание Шувалова привлекали гуманитарные таланты Ломоносова — поэта, драматурга, историка, лингвиста. В немалой степени желанием Шувалова видеть на русской сцене пьесы отечественных авторов можно объяснить драматургические опыты Ломоносова, который как раз после знакомства с Шуваловым напряженно работал над трагедией «Тамира и Селим», сразу же после написания увидевшей сцену [5, с. 147].

Особое внимание оказывал Шувалов на занятия Ломоносова русской историей, интересуясь всеми этапами его работы. Осенью 1751 г. Ломоносов сообщал Шувалову о составлении плана «Российской истории», который намеревался показать и, вероятнее всего, показал Шувалову. Позже, во время сбора материалов, Ломоносов получал не только «неоднократное... к сочинению „Российской истории“» ободрение со

стороны Шувалова, но и требование поспешить с написанием труда. Так можно интерпретировать содержание несохранившегося письма Шувалова от 28 декабря 1752 г., в котором было выражено, словами ответного послания Ломоносова, «справедливое желание, которое соединено с пользою и славою отечества».

Отвечая Шувалову, незнакомому со спецификой труда историка, накапливающего материал годами, Ломоносов писал: «Я бы от всего сердца желал иметь такие силы, чтобы оное великое дело совершенном своим скоро могло охоту всех удовольствовать, однако оно само собою такого есть свойства, что требует времени». Шувалов, по-видимому, предложил Ломоносову отставить на время занятия естественными науками и мозаичными делами для быстрейшего завершения истории. Не соглашаясь с этим, Ломоносов обещал, что уже в 1753 г. представит первый том «Российской истории» [4, с. 474—475]. Шувалов же, стремясь как можно быстрее получить в руки сочинение Ломоносова, прибег даже к содействию Елизаветы. В марте 1753 г. Ломоносов был принят в Москве Елизаветой, которая, как писал сам Ломоносов Л. Эйлеру, «удостоив меня милостивейшей беседы, заявила, между прочим, что ей приятно будет, если я напишу моим слогом отечественную историю». Такое внимание императрицы к его историческим занятиям вынудило Ломоносова отставить многие другие занятия и напряженно трудиться над «Российской историей». В упомянутом письме к Эйлеру он писал, что составляя «Слово о явлениях воздушных, от электрической силы происходящих», он пропустил «немало убедительных доказательств», ибо «часто за самую работу ловил себя на том, что душой я блуждаю в древностях российских» [4, с. 501, 503].

Особенно ценил Шувалов мнение Ломоносова как опытного педагога, хорошо знакомого с организацией системы образования в европейских странах. Здесь мы вплотную подходим к вопросу об организации Московского университета и роли Шувалова в этом деле.

Начальную историю Московского университета следует рассматривать в едином контексте с историей создания в России высшей школы и усилиями Ломоносова в этом направлении. Как известно, Ломоносов начал борьбу за создание подлинного университета сразу же после возвращения из Германии, в начале 40-х годов XVIII в. Он считал, что существовавший при Академии наук университет не отвечал принципам подлинной университетской системы, и требовал его преобразования. Однако обстановка при дворе и в Академии не благоприятствовала усилиям Ломоносова. Лишь с появлением Шувалова дело стало меняться к лучшему. Именно с начала 50-х годов Ломоносов возобновил прерванную борьбу за реорганизацию академического университета и гимназии. Благодаря поддержке Шувалова Ломоносов добился в 1754 г. созыва комиссии о штатах Академии и университета. Но большего достичь не удалось: Ломоносов и Шувалов даже не сумели провести на ключевое место директора гимназии близкого им Н. Н. Поповского.

Хронологически после этих событий разворачивается история образования университета в Москве. Анализ сохранившихся материалов показывает, что Ломоносов являлся инициатором образования первого в России подлинного университета (см., например, [6, 7]). Говоря о Шувалове, отметим, что он поддержал усилия Ломоносова. Создание университета в Москве устраивало Шувалова по двум основным причинам. Во-первых, он хотел избежать столкновения (в случае продолжения борьбы за реорганизацию академического университета) с Г. Н. Тепловым и подобными ему интриганами. Во-вторых, создание высшего учебного заведения в Москве отвечало и общим взглядам Шувалова на распространение образования, и в первую очередь дворянского. Вокруг Москвы раскинулись родовые владения, откуда в университет шли бы дворянские отроки.

Важно отметить, что взгляды Ломоносова и Шувалова на некоторые принципы образования существенно различались. Если общая структура университета была принята в соответствии со взглядами Ломоносова, то на структуру гимназии оказали сильное воздействие взгляды Шувалова, стремившегося к утверждению определенных преимуществ для дворянских детей, против чего возражал Ломоносов (подробнее см. [8, с. 60—61]).

Признавая выдающуюся роль Ломоносова при образовании Московского университета, нужно подчеркнуть, что планы создания университета без усилий со стороны Шувалова в елизаветинское время вряд ли были осуществимы. Изданная переписка Шувалова показывает, что, являясь куратором университета, Шувалов много сделал для его становления. Подбор профессуры и студентов, условия учебы и жизни, программы образования, гимназия, типография, бюджет, правовой статус университета — вот только краткий список дел по университету, которыми занимался Шувалов. На протяжении многих лет он сам ведал вопросами комплектования библиотеки Московского университета и Академии художеств, нередко покупая книги за свой счет. Так, в мае 1757 г. он писал Воронцову: «Каталог книгам я получил. Буду смотреть, сличая с книгами Московской библиотеки (университета.— Е. А.), нужны они ли, чтоб их купить, если казна не купит» [9, с. 286]. В основе современной библиотеки Академии художеств в Ленинграде также лежат книги Шувалова, подаренные им. Среди них книги по истории искусства, политике, всеобщей истории, химии, минералогии, стекольному делу и многим другим дисциплинам, которые были необходимы, по мнению Шувалова, для обучения художников и скульпторов [10, с. 1—3].

Но все же важнее другое. Шувалов хорошо усвоил взгляды Ломоносова на сущность подлинной университетской системы и последовательно проводил их в жизнь. По замыслу Ломоносова и благодаря усилиям Шувалова в Москве был создан университет в соответствии с принятыми в Западной Европе правилами и обычаями, главный смысл которых состоял в придании университету статуса автономного от местных властей учреждения, корпорации, защищенной системой привилегий. Без этого существование университета в период феодализма было невозможно. Изданные материалы по истории университета показывают, что Шувалов, используя свою огромную власть, не только способствовал организационному становлению нового учреждения, осуществляя постоянный контроль за подбором профессоров и студентов, содействовал улучшению условий их жизни, но и боролся за утверждение именно такого привилегированного правового статуса университета, при котором он был бы независим от местных инстанций. Шувалов, как и Ломоносов, понимал, что без защиты привилегий университета его существование станет невозможным. 27 октября 1757 г. он писал директору И. И. Мелиссино по поводу одного из происшедших нарушений привилегий университета: «...я не упущу просить в Сенате и для знания прочим судебным местам в незамедлительном времени буду стараться исходатайствовать из Сената указ о прерогативах, надлежащих до университета, чтобы никто неведением отговариваться не мог». И такого указа 22 декабря 1757 г. Шувалов добился. Присутственным местам в подтверждение определения об университете 1756 г. запрещалось «Московского императорского университета учителей без сношения с ним Университетом отнюдь собою по делам, касающимся до них, не брать, под опасением взыскания за то по указам» [11, с. 97]. В условиях произвола судов и полиции того времени подтверждение одной из важнейших привилегий — судебной имело большое значение для развития университета, способствовало упрочению его особого юридического статуса в дальнейшем.

Учреждение Московского университета было лишь началом. Шувалов предполагал подвести под систему высших учебных заведений мощный фундамент — провинциальные гимназии и школы. Не исключено, что, как и в случае с образованием Московского университета, инициатива создания гимназической системы принадлежала Ломоносову, а реализация планов была начата Шуваловым. В ноябре 1760 г. Шувалов подал в Сенат проект, в котором предлагалось «в знатных городах учредить гимназии, в которых бы обучали нужные европейские языки и первые основания..., а по маленьким городам учредить школы, в которых будут обучать русской грамматике, арифметике и прочим первым основаниям, а из оных школ станут выходить в гимназии, а из гимназий в кадетский корпус, в Академию и в Университет, а из сих трех мест в действительную службу». Из цитируемого отрывка мы ясно видим замысел Шувалова — Ломоносова: создать единую преемственную систему образования, которая должна была обеспечить страну специалистами. По-видимому, проект носил предварительный, обобщающий характер. Сенат рекомендовал Шувалову сочинить «штаты окуратные» и для этого запросить Академию наук, что и было вскоре сделано. Однако затем дело замедлилось и так и осталось незавершенным [12, с. 570—571, 902—904; 13, с. 629].

Таким образом, мы видим, насколько плодотворным оказалось сотрудничество Шувалова и Ломоносова на ниве просвещения. Однако Ломоносов не был доволен достигнутым. Он стремился к реорганизации университета при Академии наук в Петербурге, превращению его в полноценный университет, защищенный привилегиями, имеющий, подобно Московскому университету, автономию. В конце 50-х — начале 60-х годов XVIII в. Ломоносов напряженно работал над уставом нового университета, составлял принципиально важную для начала деятельности университета инаугурационную речь, с которой он предполагал выступить при открытии университета. «Мое единственное желание, — писал он Шувалову 17 апреля 1760 г., — состоит в том, чтобы привести в вожделенное течение Гимназию и Университет, откуда могут произойти многочисленные Ломоносовы и для того... всеуниженно прошу постараться, чтобы из Конференции, при дворе учрежденной, дан был формуляр привилегии». В конце письма Ломоносов вновь подчеркивает: «Итак, все позабывая, еще всеуниженно прошу вашим предстательством для пользы учащихся россиян споспешествовать университетской привилегии, которая, может быть, и для Московского университета несколько послужит» [4, с. 539]. Ссылки на пользу, приносимую любимым детищем Шувалова, оказалось мало, и Ломоносов 20 апреля писал, что успешное завершение этого дела будет способствовать «особливому рачению к приведению в исполнение старания... в словесных науках», намекая на завершение поэмы «Петр Великий», которую ждала Елизавета [там же с. 540]. По-видимому, весной 1760 г. «пункты» — перечень привилегий университета и «формуляр» — проект грамоты о привилегиях были одобрены Конференцией, но большего Ломоносову достичь не удалось.

Однако уже потом, в 1761 г., Ломоносов хорошо понимал: императрица не могла найти времени, чтобы подписать бумаги, потому что этого не хотел сам Шувалов. Здесь мы касаемся другой, негативной стороны отношений Ломоносова и Шувалова.

На протяжении рассматриваемого времени между ними существовали отношения, укладывавшиеся в типичную схему «поэт и меценат», которая предполагала четкое определение ролей: меценат оказывает покровительство, моральную и даже материальную поддержку поэту, а поэт может в этих условиях создавать новые творения во славу искусства. Этика отношений в системе «поэт — меценат» предполагала, что меценат не господин поэта, а его друг и даже соучастник творчества.

Но этика эта предполагала и то, что поэт не обойдет вниманием мецената в своих творениях.

Покровительство Шувалова-мецената много значило для Ломоносова-поэта. Он не мог не ценить глубокий интерес фаворита к поэзии и вообще к «словесным наукам». Нельзя игнорировать и тот факт, что особая заинтересованность Шувалова и его кружка русской словесности не могла не стимулировать творчества Ломоносова — ведь не случайно 50-е — начало 60-х годов стали годами расцвета поэтического дарования Ломоносова. В прологе поэмы «Петр Великий» помимо традиционных поэтических штампов, обращенных к меценату, звучит и искреннее чувство:

«Начало моего великого труда
Прими, Предстатель Муз, как принимал всегда
Сложения мои, любя Российско слово,
И тем стремленне к стихам давал мне ново.
Тобою поощрен, в сей путь пустился я,
Ты будешь оногo споспешник и судья» [14, с. 696].

Ломоносов последовательно отстаивал свои поэтические взгляды и свое имя как поэта, о чем свидетельствуют литературные споры в 50—60-е годы. Но эти же споры свидетельствуют, что Шувалов, претендовавший на роль российского мецената, порой требовал от Ломоносова-поэта своеобразной «литературной службы» (см. [15, с. 119—136]).

Не всегда считался Шувалов и с самолюбием Ломоносова, его жизненными принципами. Шувалов был непрочь ради потехи сыграть на слабостях Ломоносова, его вспыльчивом нраве. Именно так следует трактовать попытки Шувалова публично «примирить» двух литературных противников и заклятых врагов в жизни — Ломоносова и Сумарокова. После их ссоры 2 января 1761 г. в доме Шувалова, показавшейся хозяину и присутствующим гостям «смешной сценой», Ломоносов написал своему покровителю письмо, полное гнева и оскорбленного достоинства, которое закончил так: «Не токмо у стола знатных господ или у каких земных владетелей дураком быть не хочу, но ниже у самого господа Бога, который дал мне смысл, пока разве отнимет» [4, с. 546].

Это резкое письмо, как и другие, показывает, что Ломоносов нередко вопреки принятым тогда нормам поведения защищал свое достоинство и как поэта, и как человека. А. С. Пушкин, вспоминая письмо Шувалову, писал, что Ломоносов умел «за себя постоять и не дорожил ни покровительством своих меценатов, ни своим благосостоянием, когда дело шло о его чести или о торжестве его любимых идей» [16, с. 391]. Выходец из народа, он, не скрывая этого, гордился тем, что «своей чести достиг не слепым счастьем, но данным... от бога талантом, трудолюбием и терпением крайней бедности добровольно для учения».

Характер Ломоносова и его отношения с Шуваловым во многом определялись тем, что ученым он был больше, чем поэтом. Он не представлял себе жизни без науки, без Академии. Однако жизнь в стенах Академии не была для Ломоносова легкой.

Служебные документы, письма и прежде всего многочисленные произведения Ломоносова рисуют нам его как личность яркую, цельную. По своему эмоциональному строю Ломоносов был человек порывистый, легковозбудимый, страстный, крутой и, по-видимому, трудный в общении. Ломоносов в полной мере осознавал свое место и роль в русской поэзии и науке. Известный анекдот о том, что в ответ на угрозу Шувалова отстранить строптивого Ломоносова от Академии Ломоносов ответил, что отставить можно лишь Академию от него, имеет под собой вполне реальную почву. В письме И. И. Шувалову он писал 30 декабря 1754 г.: «Камень, его же небрегоша зиждущии, сей бысть во главу угла, от господа бысть сен; или бы в мое отбытие из Академии ясно

оказалось, что она лишилась, потеряв такого человека, который чрез толь много лет украшал оную, и всегда с гонительми наук боролся, несмотря на свои опасности». Примечательна в этом смысле и фраза из письма к Г. Н. Теплову от 30 января 1761 г.: «...я через шестнадцать лет одами, речьми, химиею, физикою, историею делаю честь отечеству» [4, с. 548].

Естественно, в соответствии с такой весьма высокой самооценкой Ломоносов имел, говоря языком современной социальной психологии, высокий уровень притязаний (в целом, как показала история, вполне заслуженный и объективный), справедливо рассчитывая на признание своих заслуг, выраженное прежде всего в чинах и должностях. Между тем с 1751 по 1763 г., т. е. в течение 12 лет, Ломоносов служил в чине коллежского советника, что соответствовало полковнику в военной иерархии чинов. Заметим, что в рассматриваемое время шел трудный процесс оформления ученых как новой для России социальной группы. Ломоносову и его коллегам приходилось постоянно отстаивать свое право на специфическую творческую работу в особых, привилегированных условиях, а также право получения за нее признания общества и солидного вознаграждения, обеспечивающего ученому независимость и покой. Отвечая своим недоброхотам, считавшим, что пожалование Усть-Рудицы «отвратит» Ломоносова от наук, он так подчеркивал исключительность своей профессии и необходимость благосостояния для ученого: «...музы не такие девки, которых всегда изнасиловать можно. Оне кого хотят, того и полюбят. Ежели кто еще в таком мнении, что ученый человек должен быть беден, тому я предлагаю в пример с его стороны Диогена, который жил с собаками в бочке и своим землякам оставил несколько остроумных шуток для умножения их гордости, а с другой стороны Невтона, богатого лорда Бойла, который всю свою славу в науках получил употреблением великой суммы» (там же).

Специфика положения ученых в России состояла еще и в том, что они оказались вне системы «Табели о рангах». Такая неопределенность «осложняла их положение в обществе, препятствовала нормальной деятельности во время экспедиций, умаляла престиж профессии и самой науки. Академическая администрация со своей стороны тормозила присвоение высоких рангов ученым, желая таким образом закрепить их подчиненное положение» [17, с. 14]. Упорную борьбу за общественное и правовое признание своей группы и уравнивание ее в системе принятого чиновничества с другими группами чиновников вели все академические ученые, как русские, так и иностранцы, в равной степени чувствовавшие свою социальную и правовую ущемленность. И хотя положение Ломоносова не было худшим, чем у других русских и иностранных профессором, он имел основания думать, что его недруги умышленно препятствуют его продвижению по служебной лестнице.

Особенно жестокий удар был нанесен престижу Ломоносова при раздаче наград по поводу восшествия на престол Екатерины II летом 1762 г. В письме уже практически потерявшему власть М. И. Воронцову 24 июля 1762 г. он писал: «...вижу множество статских советников... кои все во время моего советничества ассессорами и меньше были, но ныне всего несноснее я обижен, что господин Тауберт в одной со мной команде, моложе меня, коллежским советником восемь лет, пожалован статским советником без всякой передо мной большей заслуги, да, лучше сказать, за прослугу и за то, что он беспрепятственно российских ученых гонит и учащиеся утесняет, и мне во всех к пользе наук российских учиненных предприятиях всевозможные ставил препятствия» [4, с. 559].

Последняя часть цитаты весьма примечательна, ибо отражает другую, если не сказать — основную, линию поведения Ломоносова в Академии наук. Как известно, с начала существования Академии в ней были сильны позиции приглашенных иностранных ученых, особенно

немецких. Период «бионовщины» способствовал консервации этого положения при одновременном ослаблении подготовки национальных кадров. Елизаветинское царствование началось под знаком борьбы со ставшим опасным для курса России влиянием иностранцев на политику. Но эта борьба в значительной степени носила пропагандистский характер, касалась лишь правящей верхушки и полностью обошла стороной работавших в России специалистов, в том числе и в Академии наук. Не так понимал суть происходящего Ломоносов. Первенство иностранцев в обстановке патриотического подъема 40—50-х годов воспринималось Ломоносовым и его русскими коллегами необычайно болезненно еще и потому, что это первенство выражалось для Ломоносова и его круга в определенных организационных формах: при частом отсутствии или пассивности президента графа К. Г. Разумовского управление академическими делами сосредоточили в своих руках советник Академической канцелярии И. Д. Шумахер, а также асессор (а потом советник) И. И. Тауберт. Не раз ученые, русские и иностранцы, пытались бороться с засилием руководителей Академической канцелярии, далеких от понимания подлинных задач науки и потребностей ученых, но разобщенность противников Шумахера и Тауберта, опытность последних в интриге не привели к успеху в этой борьбе.

Борьба Ломоносова с Шумахером и Таубертом тянулась долгие годы и вышла далеко за рамки личной неприязни. В поступках руководителей канцелярии Ломоносов часто усматривал попытки ущемить положение ученых из русских, воспрепятствовать их подготовке и служебному продвижению. В записке о необходимости преобразования Академии наук (1758—1759 гг.) он так писал о деятельности Шумахера за многие годы: «Шумахеру было опасно происхождение в науках и произвождение в профессуры природных россиян, от которых он уменьшения своей силы больше опасался». Больше того, хотя от интриг Шумахера и Тауберта страдали нередко и ученые-иностранцы, недружественные поступки руководителей канцелярии против него лично Ломоносов идентифицировал как выпады против него — русского ученого, а также всей отечественной науки. В феврале 1763 г. он писал Воронцову о себе: «...оставлен перед прочими в забвении и, будучи в свете известен как первый в России человек подлинно ученый, претерпеваю гонение от иноплеменников в своем отечестве, о коего пользе и славе ревностное старание довольно известно» (там же, с. 46, 565, 568). Это придавало борьбе Ломоносова с Шумахером и Таубертом определенное общественное звучание. Нужно отметить, что вопрос о первенстве иностранцев (как в юридическом, так и в фактическом плане) был очень острым и для других русских коллег Ломоносова. В. К. Тредьяковский, находившийся в споре с Ломоносовым по поводу первенства в Академии, в сущности поддержал его, когда зашла речь о предложении Тауберта об установлении в регламенте Академии преимущества академиков по старшинству вступления в службу. Так как «нет надежды, чтоб выписывать перестали чужестранных», то Тредьяковский полагал, что приезжающие из-за границы известные ученые сразу же будут получать преимущество перед русскими членами Академии. Все это Тауберт делает, считал Тредьяковский, «токмо в предпочтение однородцам, а в вечное предосуждение природным» [18, с. 292].

Важно отметить, что борьба Ломоносова против Шумахера и главным образом Тауберта имела непосредственное приложение; Ломоносов видел в себе такого руководителя науки, который смог бы отстоять в стенах Академии интересы русских ученых и отечественной науки в целом. Прося в письме 23 ноября 1757 г. И. Шувалова содействовать его служебному продвижению, Ломоносов подчеркнул, что «по моей службе и дороге следует и что больше отечеству, нежели мне, нужно и полезно» [4, с. 530]. Примерно с середины 50-х годов Ломоносов стре-

мился занять один из руководящих постов в Академии, что соответствовало и его общественным и личным целям. И здесь «фактор Шувалова» играл очень большую роль. Поддержка всесильного фаворита делала Ломоносова опасным соперником Шумахера и Тауберта, вынуждала Разумовского и его креатуру в Академии — Г. Н. Теплова считаться с интересами Ломоносова. В 1757 г. Ломоносов становится членом канцелярии, затем берет на себя управление Географическим департаментом Академии, а в 1761 г. возглавляет гимназию и университет. С конца 50-х годов Ломоносов упорно добивается назначения на пост вице-президента. В письмах Шувалову, Воронцову, а потом Г. Г. Орлову Ломоносов подчеркивал, что назначение его вице-президентом поднимет его авторитет и власть и тем самым усилит позиции русских ученых в Академии. «Нынешний отъезд,— пишет он 30 декабря 1759 г. Шувалову,— графа Кирилы Григорьевича необходимо требует особого учреждения, затем, что два иностранных в Канцелярии члены против меня перевес имеют, который я чувствую не без остановки прекращения учоных Россиян». В январе 1760 г., вновь напоминая Шувалову о просьбе, он писал, «что в Академии больше мне надобно авторитету, чтобы иностранные перевесу не имели». С той же целью он предлагал в начале 1761 г. ввести в состав канцелярии профессора С. К. Котельникова, чтобы «учинить... в голосах равновесие между российскими и иноземцами» там же [4, с. 81, 536, 537]. К лету 1761 г. достичь удалось многого: под влиянием Ломоносова Разумовский официально предложил кандидатуру Ломоносова на пост вице-президента. Успешно продвигалось и дело с открытием Петербургского университета, в котором Ломоносов рассчитывал на пост проректора. В случае успеха предприятия Ломоносов оказался бы фактическим главой Академии и университета, чиновником, стоящим над Академической канцелярией и имевшим реальную возможность проводить собственную политику.

Именно это и не устраивало недругов Ломоносова в Академии и за ее стенами. Но это не устраивало и... покровителей Ломоносова. Крутой характер кандидата, его независимые суждения и взгляды на развитие наук в России не давали оснований надеяться на то, что Ломоносов будет послушным исполнителем воли своих меценатов в Академии. И покровители Ломоносова (в первую очередь И. И. Шувалов и М. И. Воронцов) постарались отмежеваться от него. Их патриотизма хватило на поддержку Ломоносова в его борьбе с Шумахером и Таубертом, но не на большее. Вероятно, в условиях, когда болезнь Елизаветы прогрессировала, Шувалов, встречая противодействия намерениям помочь Ломоносову и в организации университета, и в занятии поста вице-президента, не рискнул открыто поддержать Ломоносова. Любой конфликт мог отразиться на положении Шувалова при дворе в будущем. А сохранение власти и влияния оставалось важнейшей задачей просвещенного фаворита, и ради этого он многим готов был пожертвовать. Не исключено, что Ломоносов с его идеями и стал такой жертвой.

В последние месяцы жизни императрицы Шувалову было не до наук и Ломоносова — он стремился удержать ускользавшую от него власть. А после смерти Елизаветы, в конце 1761 г., звезда Шувалова закатилась уже навсегда. Он уехал за границу и, вернувшись, уже не застал в живых великого помора.

Литература

1. Бумаги И. И. Шувалова.— Русский архив, 1867.
2. Ломоносов М. В. Полн. собр. соч. Т. 6.
3. Грот Я. Труды. Т. 3. СПб., 1901.
4. Ломоносов М. В. Полн. собр. соч. Т. 10.
5. Камер-фурьерский журнал 1750 года, б. м., б. г.
6. Пенчко Н. А. Основание Московского университета. М., 1955.

7. *Беляевский М. Т.* М. В. Ломоносов и основание Московского университета. М., 1955.
8. *Кулябко Е. С.* Ломоносовский «Регламент московской гимназии». — Вестн. АН СССР, 1955, № 5.
9. Архив князя Воронцова. Кн. 6. М., 1876.
10. ЦГИА СССР, ф. 1303, оп. 1, ч. 1, д. 15.
11. Документы и материалы по истории Московского университета второй половины XVIII века. Т. 1. М., 1960.
12. *Ломоносов М. В.* Полн. собр. соч., Т. 9.
13. *Пекарский П.* История Академии наук в Петербурге. Т. 1. СПб., 1870.
14. *Ломоносов М. В.* Полн. собр. соч. Т. 8.
15. *Берков П. Н.* М. В. Ломоносов и литературная полемика его времени (1750—1765 гг.). М.—Л., 1936.
16. *Пушкин А. С.* Собр. соч. Т. 6. М., 1962
17. *Фундаминский М. И.* Петербургская Академия наук середины XVIII века как государственное учреждение: Автореф. канд. дис. Л., 1981.
18. *Биллярский П. С.* Материалы для биографии Ломоносова. СПб., 1865.

M. V. LOMONOSOV AND I. I. SHUVALOV

E. V. ANISIMOV

The relations between M. V. Lomonosov and I. I. Shuvalov — patron of arts and science are considered in the article. Their common approach to culture made their cooperation in the sphere of literature quite fruitful. But a difference between their life goals, social and private positions created incomprehension and some contradictions between them.